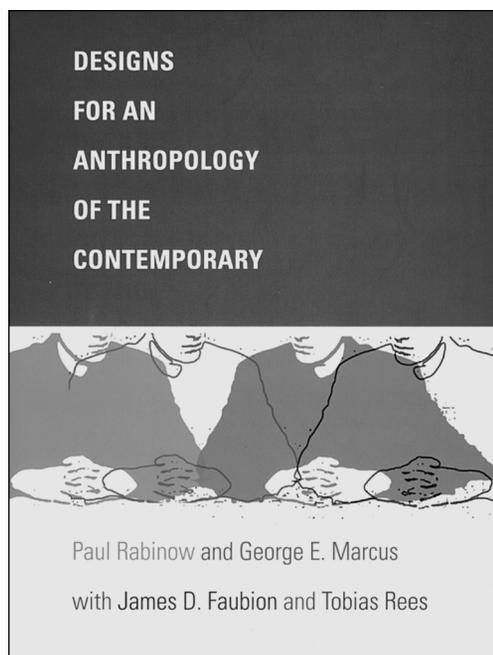

ЭО, 2010 г., № 4

© А.Л. Елфимов. Рец. на: *P. Rabinow, G.E. Marcus, J.D. Faubion, T. Rees. Designs for an Anthropology of the Contemporary*. Durham; London: Duke University Press, 2008. 141 p.

Для тех, кто следил за сменой веяний и настроений в американской социокультурной антропологии последней четверти века, будет небезынтесной эта небольшая, но насыщенная, как говорится, “пищей для размышлений” книга. Джордж Маркус и Пол Рабиноу – исследователи, в 1980-х и начале 1990-х годов активно работавшие в русле направления интерпретативной антропологии – рассуждают о разнообразных проблемах, которыми оказалась окружена антропологическая дисциплина в период с 1990-х годов по сегодняшний день.

Формально книга построена в жанре диалога между двумя учеными, и дополнительную схоластическую “изюминку” придает ей то, что в роли модератора диалога выступает исследователь из Германии (Тобиас Реес), вечерний аспирант, попавший в академические структуры США и оказавшийся на своеобразном перепутье между мировоззрением одной дисциплинарной традиции и практическими реалиями другой. В качестве приглашенного комментатора выступает Джеймс Фобьон (антрополог, хорошо знакомый с научной средой и творческой атмосферой академических институтов, в которых на протяжении

их карьер долго работали Маркус и Рабиноу, и потому особенно остро чувствующий нюансы их полемики).

Результат этого диалога, как выразилась авторитетнейшая британская исследовательница Мэрилин Стрэттерн в ее комментариях на данную книгу, – “захватывающий” и вместе с тем “агонический” обмен идеями, “задающий планку” в этом специфическом жанре дисциплинарного дискурса. “Захватывающий” – потому что он затрагивает и болевые точки, и идеалистические ожидания дисциплины; и потому что, в конце концов, он оказывается плохо “модерированным” и превращается в интереснейший поток идей, то ускользающих от модератора, то ставящих его в тупик. “Агонический” – потому что, нащупав болевые точки и блистая идеями, авторы оказываются не в состоянии разрешить дилеммы и проблемы, которые так рельефно высвечивают в ходе их полемики.

Книга разбита на семь глав-диалогов. В первых двух, начинающихся с диалога “Антропология в движении”, участники разговора, согласно замыслу модератора, рассуждают о том, как модели культурно-антропологического исследования изменились за период с 1960–1970-х годов до 1980–1990-х. Действительно, за эту, условно говоря, “четверть века” произошло многое – как в самой антропологической дисциплине, так и в контексте, окружавшем ее, – что опосредовало и перемены в ее институциональном статусе, и изменения в ее предметном поле, и сдвиги в понятиях о том, что вообще такое “антрополог”. Если еще в 1960-х годах, говорит Маркус, антропология институционально находилась в отведенном ей углу социальных наук, которые сами по себе были включены в неокOLONIALНЫЙ проект развития и модернизации, то к концу

Алексей Леонидович Елфимов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, внештатный сотрудник кафедры антропологии Университета Райса (США); e-mail: aelfimov@iea.ras.ru

XX в. она во многом переместилась в область, занимаемую гуманитарными науками. И если, с точки зрения личного, “карьерного” роста, выбор антропологии как профессии в то время опирался на довольно авторитарную модель научной специализации и значил для людей одно, то в сегодняшнем обществе он значит совсем другое.

Вообще, трансформация студенческого и аспирантского состава на кафедрах антропологии за последние два десятилетия – чрезвычайно важный вопрос, который по-прежнему часто обходится вниманием в дискуссиях о целях и возможностях дисциплины. С одной стороны, у тех, кто приходит в дисциплину сегодня, *свои* интересы, продиктованные *их* понятиями о том, как им придется жить в *их* обществе – и “антропология” (в лице тех, кто ей формально управляет) не может не учитывать это, если вообще хочет сохранить себя как институт. С другой стороны, в возникновении и генерировании этих интересов участвуют факторы, которые необходимо анализировать. Так, Рабиноу говорит, что в одно время, например, он начал замечать характерную тенденцию к возникновению интереса к феномену постколониализма у тех, у кого раньше не было, собственно, и первичного интереса к феномену колониализма. Генерирующими факторами здесь оказались, однако, не исследовательские проблемы, а во многом проблемы современного трудоустройства (в частности, рост популярности трудоустройства антропологов в негосударственных организациях стран так называемого Третьего мира и сокращение традиционных академических антропологических должностей). Как бы ни хотелось считать эти факторы “ненаучными”, они очень даже “научны” в том смысле, что имеют стопроцентно прямое отношение к науке, в которой работает человек, и откеститься от них невозможно. Это, однако, лишь один из вопросов (среди которых – и проблемы истории дисциплины, и проблемы новаторских исследовательских проектов, таких как проект журнала “Public Culture” в 1990-х годах, и курьезные закульские истории), разбираемых антропологами в ходе их диалога.

В следующих главах, в которых модератор переходит на темы о том, чем характеризуется “антропология сегодня” и что такое “антропология современного” (главы так и названы), полемика заметно накаляется и становится более острой. Наибольший интерес здесь представляет дискуссия о “современном” (“the contemporary”) как о категории антропологического дискурса, в которой отражена характеристика изучаемого объекта и характер позиционирования исследователя по отношению к его объекту (более правильно, но стилистически более замысловато было бы выразиться: характер позиционирования исследователем самого себя по отношению к его объекту). Не новость, что, начиная с самых ранних этапов антропологического/этнографического поиска, этнографы имели дело с народами и людьми, *современными* им. Не секрет, однако, и то, что вплоть до самых последних этапов этого поиска они, как правило, стремились облечь свои этнографические описания, труды, монографии в разнообразные жанровые формы, которые намекали, или же прямо указывали, на временной разрыв между исследователем и исследуемым – на *современность* исследователя и *историчность* исследуемого объекта. В новое время возник модифицированный жанр, в котором объект представлялся современным, однако исследователь позиционировался как находящийся в некоем контексте вне определенного времени, из которого он наблюдал, как натуралист за глазком микроскопа, за происходящим в этом отделенном от него “микрэтнографическом” мире.

Вопрос об этой “вневременной” позиции (авторы пользуются термином *untimely*, заимствуя его как кальку с немецкого *unzeitgemäß*, стоящего в названии известной работы Ницше “Несвоевременные размышления”) становится предметом наиболее оживленной полемики между дискуссантами. Семантически в этом термине пересекаются значения: вневременной/несвоевременный/несовременный. Рабиноу указывает на тот факт, что хотя риторика “вневременного” и была встроена в этнографическое знание с самого начала, отличительность этнографического труда и его характерные достоинства в целом комплексе аспектов связаны все-таки с тем, что он имеет именно этот “вневременной”, “несвоевременный” характер. Это отличает его как от журналистского труда, в котором критерий современности/единовременности оказывается решающим в выборе методики анализа и подачи материала, так и от социологического труда, в котором современность и синхронность задаются как постулаты, диктуемые “стрелой релевантности”, как выражается Рабиноу (исследование всегда направлено в сторону “релевантного”, “значимого”, и только таковое и понимается как синоним “современного”; т.е. имеет место курьезная концептуальная инверсия смыслов).

Качественное этнографическое исследование – несвоеременно. В нем не работает “стрела релевантности”, которая якобы бьет в точку, где происходит, говоря науковедческим языком, конвергенция интересов субъекта и объекта. Этнографическое исследование требует микроско-

пических темпов – у нас “нет способа поторопить повседневность”, как говорит Рабиноу, и задача этнографа – выяснить не столько то мимолетное, что находится на сиюминутной поверхности, сколько то осевшее, “обрутиненное”, что находится под ней. “Полевая работа, – перефразирует эту мысль Маркус, – состоит не только в том, чтобы взять интервью. Она в такой же степени состоит в том, чтобы выяснить оставшееся не произнесенным” (р. 95).

Весьма интересны и рассуждения о том, что *современным* объект исследования предстает лишь тогда, когда он концептуально рассмотрен и понят в плоскостях “уходящего”, “доминантного” и “нарождающегося” (термины заимствованы у известного британского ученого Раймонда Уильямса, но им дано новое прочтение). Если хотя бы одна из этих плоскостей упущена из виду в исследовании, “фокус на современность” в нем размывается (довольно любопытный тезис, с методологической точки зрения).

В методных главах, посвященных “нормам и формам” антропологического/этнографического исследования, приоткрывается вопрос о том, почему в названии книги присутствует слово “дизайн”. Здесь авторы обсуждают ряд критически важных проблем, связанных с тенденциями, стереотипами и инерцией институциональной подготовки антропологов, этнологов, этнографов. Диссертации и другие работы, пишущиеся “под давлением аттестационных комиссий”, давно перестали отвечать интересам производства знания, замечают дискуссанты (и с ними трудно не согласиться). Работающие на научной стезе “должны писать их, чтобы добиться успеха в академических структурах, и должны писать их в соответствии с той манерой, в которой оказались закреплены определенные ортодоксальные и риторические правила” (р. 86), сложившиеся не десятилетия, но уже столетия назад, в другом обществе и другом социальном пространстве, в котором никто из нас, разумеется, не собирается жить и работать. Сама модель диссертации – “исследования”, формируемого под образец (и предполагается как раз, что оно может и должно иметь *образцовую* форму, которая и оценивается как гарантирующая успех соискателя) – по-прежнему сохраняет многое, напоминает Рабиноу, от традиций казуистики, где понятия “образцового” (“*exemplary*”) играли первостепенно важную роль и фигурировали в числе центральных критериев суждения.

Эта модель в сегодняшних условиях не нацелена на производство актуального и, в прямом смысле, общественно пригодного знания. Характерно, что в исследовательских областях и сферах, которые развиваются сегодня наиболее качественным образом и наиболее показательными темпами, от данной модели отказываются в пользу других. Как пример вполне пригодной для антропологии/этнографии модели, зарекомендовавшей себя в дисциплинах от архитектуры до права, авторы обсуждают модель, условно говоря, “дизайн-студии”, где группа аспирантов работает над единым большим проектом, но где каждый имеет и собственный более скромный по размаху проект. В такого рода группе происходит гораздо более эффективный процесс “натаскивания”, обучения дисциплинарным навыкам, и гораздо более эффективный процесс генерирования идей и конкретных проектов, чем в случае с “атомизированными” аспирантами, каждый из которых, будучи оставлен на интеллектуальное одиночество, корпит над своей диссертацией, чтобы создать идеальный образец того, что никому заведомо больше не пригодится.

В книге много интересных замечаний и наблюдений по поводу самых разных аспектов развития социокультурной антропологии в период со второй половины 1980-х годов (иногда называемый “посткритическим” – т.е. период, последовавший за интенсивными критическими веяниями середины 1980-х). Любопытно, что авторы фиксируют тот факт (на который сегодня мало кто обращает внимание), что литературоведение – знаменитый “лит-крит” (разговорное название от “*literary criticism*”), продемонстрировавший впечатляющий пример междисциплинарного сотрудничества с антропологией в конце 1970-х и 1980-х годах – практически не извлекло дальнейших выгод из союза с антропологией в этот самый “посткритический” период. Восприятие антропологии сегодняшними литературоведами, замечает Маркус, обнаруживает даже определенный регресс, поскольку так и “застопорилось” на уровне дискуссий начала 1980-х годов; более того, антропология вновь фигурирует в литературоведении как “руссоистская” или “экзотическая” модель познания, т.е. модель, уже давно серьезно раскритикованная и оставленная самими антропологами.

Интересны и критические замечания по поводу понятия “идентичность”, которое, как указывает Фобзон, однажды было взято антропологами на вооружение как “децентрализующая” концепция, призванная заменить холистические идеи “культуры”, “этноса”, “общества”, переставшие нести какую-либо полезную аналитическую нагрузку в антропологии/этнологии/этнографии. Однако, потеснив эти идеи, понятие “идентичность”, по иронии, само довольно

быстро приобрело холистический смысл, который сегодня проявляется настолько регулярно во всевозможных дискуссиях, что и эта концепция становится скорее “разменной монетой”, чем удобным аналитическим инструментом.

Книга не без проблем. Дж. Фобьон мог бы быть гораздо более активным в роли комментатора – так, он активен в одних диалогах, но почему-то совершенно отсутствует в других (и тогда роль комментатора не совсем понятна и вызывает недоумение). Это вызывает сожаление, поскольку там, где он все-таки выступает с комментариями, он практически всегда вносит интересный поворот в течение дискуссии. Модератор, Т. Реес, технически справляется со своими задачами, но интеллектуально – нет (в трети случаев он вторгается в диалоги невольно, в трети случаев упускает нить диалога); однако если на это смотреть с точки зрения “межкультурного” и “межпоколенного” контакта между антропологами, то чтение становится отчасти забавным. Вступление и заключение Рееса производят впечатление работ для студенческого сборника (и, на мой взгляд, они должны были быть написаны комментатором, Фобьоном, а никак не Реесом); но, за вычетом мелких досадных оплошностей, книга – сплошное удовольствие. Насыщена стилизующим материалом и заставляет (при)задуматься.

ЭО, 2010 г., № 4

© Г.Н. Немец. Рец. на: *Визуальная антропология: Настройка оптики* / Под ред. Е. Ярославской-Смирновой, П. Романова (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО “Вариант”, ЦСПГИ, 2009. 296 с.

Рецензируемый сборник – четвертый выпуск проекта “Визуальная антропология” – посвящен изучению визуальных методов социальной антропологии и включает три раздела: “Визуальная методология: от исследования к действию”, “Этнографические зарисовки”, “Визуальное конструирование реальности”. Во вступительной статье “Взгляды и образы: методология, анализ, практика” Е. Ярославская-Смирнова и П. Романов подробно описывают проблемное поле исследования, определяют его направления, говорят о прагматике научных школ и парадигм в визуальной антропологии.

Х. Кноблаух в своей работе “Видеография. Фокусированная этнография и видеоанализ” предлагает единый метод визуальных исследований в этнографии. По его мнению, связь между видеоанализом и этнографией не случайна, поскольку, с одной стороны, “и этнография, и видео основаны на наблюдении”, а с другой – “вписывание визуального” в контекст этнографического исследования дает еще один способ интерпретировать “естественные ситуации” (с. 22).

Л. Пауэлс в двух представленных работах рассматривает гносеологические и деонтологические принципы визуальных исследований в антропологии. В статье “Репрезентируя движущиеся культуры...” описана природа научного этнографического фильма, показана “анатомия” его жанров. Указывается на значимость использования метода интервью в дополнение к видеоанализу как “встрече исследователя с исследуемым” (с. 49). В результате, по мнению автора, через форму “визуальной обратной связи” создается “культурный автопортрет” исследуемого (с. 51–52). В работе “Этика съемки людей и использование снимков...” он справедливо отмечает, что “этические правила визуального исследования не ограничиваются лишь достоверностью и честностью перед научным сообществом” (с. 129).

Дж. Вайзер в исследовании “Техники фототерапии...” говорит о разграничении таких понятий, как “арт-терапия”, “фототерапия”, “терапевтическая фотография”. В первом случае “арт-объекты используются в процессе консультирования”, а во втором – в качестве арт-объекта используется фотография. Феномен терапевтической фотографии трактуется следующим образом: «использование фотографии в самостоятельно организованной (не предписанной терапевтом) деятельности, которая осуществляется самими индивидами “для себя”, в целях личного роста и самосознания» (с. 82), т.е. “фотография-как-терапия”. В качестве жанров терапевтической

Георгий Николаевич Немец – кандидат филологических наук, доцент кафедры печати и рекламы факультета журналистики Кубанского государственного университета; e-mail: nemets@kubannet.ru